За всю любовь

Автор:
Ирэне Као

За всю любовь

Ирэне Као

Итальянская дилогия #2

Вторая, и заключительная, часть великолепной итальянской дилогии «ЗА ВСЕ ГРЕХИ» от Ирэне Као.

Ради Томмазо Линда оставляет прежнюю жизнь и переезжает в Лиссабон. Сначала все напоминает красивую сказку, но постепенно Томмазо открывается ей с совершенно новой, неожиданной стороны – и она уже не уверена, правильный ли выбор сделала…

Ирэне Као

За всю любовь

Irene Cao

PER TUTTO L’AMORE

© 2014 RCS Libri S.p.A., Milano

© Малышева А. А., перевод на русский язык, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается Челестине, моей матери

Глава 1

Бескрайняя водная гладь переливается на солнце, рисуя бриллианты и звезды, которые тут же растворяются в бесчисленных золотых чешуйках. Кажется, будто смотришь на море, но это – огромное устье реки Тахо, или, как ее здесь называют, рио Тежу.

Солнце едва показалось из-за горизонта, а она уже бежит. Ежеутренние пробежки по Лиссабону с первыми лучами солнца вошли у нее в привычку. На ней – белая толстовка, черные леггинсы и розовые кроссовки с синими полосками. Линда ни о чем не думает – она сосредоточена на правильном дыхании. Светлые волосы заправлены сзади в отверстие кепки и едва доходят до плеч, глаза спрятаны за черными очками от Гуччи. В этой маленькой валькирии, стремительно бегущей по мощеным улочкам Лиссабона, с трудом можно узнать ту девчонку, какой она была раньше.

В iPod треки Madredeus чередуются с Fly Project, истинная поэзия сливается с бешеным ритмом и энергией. В этом вся Линда, ее стихия – противоречие. Теперь она слушает проникновенный и томительный голос Терезы Салгейро, созвучный этому мягкому утру, обволакивающему плотным атлантическим воздухом.

С приездом в Лиссабон Линда не отказалась от пробежек – своего наркотика. За девять месяцев она изучила каждый изгиб улочек, мощенных такой гладкой брусчаткой, что, едва ускорив бег, можно легко поскользнуться и упасть. Этот город нужно не брать штурмом, а покориться ему – теперь-то Линда это усвоила.

Изгибы лиссабонских дорог несут, словно волны. Сейчас она бежит медленно и размеренно, повинуясь неспешному ритму этого места, парящего между небом и морем. Шесть утра, и улицы почти безлюдны, за исключением парочки таких же бесстрашных любителей спорта, как и она: местные предпочитают бегать по парку, а туристы вовсе не бегают, а в этот час крепко спят. Но даже пустой и сонный Лиссабон завораживает: Линда поняла это, как только ступила на португальскую землю.

Теперь, оставив позади холм Алфама и прибавив ход, она бежит через монументальную Праса-ду?Комерсиу. Взгляд ее на секунду задерживается на величественных белых колоннах, возвышающихся над Тахо – невозможно поверить, что эти бескрайние водные просторы – не океан. Она пробегает через гигантскую триумфальную арку; дыхание спокойное и ровное. Уже осталась позади Руа-ду?Арсенал, и она в квартале Шиаду. Еще немного – и крутая улочка приведет прямиком к ее новому дому – их новому дому.

Это великолепная мансарда в недавно отреставрированном доме XVIII века. Томмазо выбрал для них самое лучшее жилье – благо, что расходы покрывает Министерство иностранных дел. Они долго искали эту квартиру – квартиру своей мечты – и когда наконец нашли, тут же влюбились в нее: даже без мебели и ремонта, она поразила их красотой.

Линда понемногу сбавляет темп и переходит на шаг. Последние пятьсот метров – как обычно, для отдыха. Вдох-выдох; она полной грудью вдыхает теплый, чистый воздух майского утра. Разводит руки в стороны, описывая в воздухе широкие круги.

Отсюда уже видны окна ее дома. Она останавливается перед Мирадору ду Санта Катарина, чтобы немного позаниматься гимнастикой. Вид отсюда захватывает дух – город, как на ладони, настоящая открытка. Тут и сверкающая Тахо, насыщенного синего цвета; чуть поодаль стоят, тесно прижавшиеся друг к другу, будто мозаичные плитки, игрушечные домики кварталов Лапа и Мадрагоа; за ними, ближе к океану, величественный Мост 25 апреля. Линда до сих пор помнит, когда увидела его в первый раз. «Я действительно в Лиссабоне, а не в Сан?Франциско?» – подумала она тогда, зажмурив глаза и вдыхая насыщенный аромат воздуха. Вне всякого сомнения, Лиссабон – волшебный город, маленькое чудо: за несколько месяцев Линда настолько привыкла к нему, что чувствует себя здесь, как дома. А ведь она никогда не жила за границей, не считая коротких командировок или отпусков.

Она смотрит на хронометр на руке: каждый день один и тот же маршрут, и каждый день на одну секунду меньше. Она довольна собой. Но теперь пора возвращаться домой, потому что если Линда опоздает хоть на минуту – как уже бывало – он начнет переживать, почему ее до сих пор нет. Томмазо – педант, у него все четко: если уж она сказала, что придет во столько-то, он с нетерпением будет ждать ее. И Линде это нравится, она чувствует, что Томмазо ее любит, – разлука для него невыносима.

Надо признать, что новая жизнь превзошла все ее ожидания, и ей невероятно хорошо. А Лиссабон не перестает удивлять каждый день. Если бы ей не надо было постоянно вариться в кругу Томмазо со скучнейшими дипломатами и их не менее скучными женами, которые хвостом следуют за своими мужьями, Линда согласна была бы прожить здесь всю жизнь.

Выпив утренний кофе, Томмазо на полчаса пропадает в душе – это максимум времени, которое он может уделить себе. Ухаживая за своим телом, каждое утро он посвящает процедурам, чтобы достичь идеального образа. Это ему жизненно необходимо, чтобы потом погрузиться в изматывающие каждодневные обязанности.

Томмазо открывает кран в умывальнике, настраивает воду на среднее давление и смачивает щеки и подбородок. Затем обмакивает помазок с барсучьим ворсом в миску с кремом для бритья на основе мангового масла. Зачерпывает сколько нужно и осторожно наносит на кожу, уделяя особое внимание чувствительным зонам. Этот ритуал он повторяет каждый день, ни на йоту не изменяя себе, с тех пор, как на его лице появились первые подростковые волоски. И научила Томмазо бриться его мать Эрминия, а не вечно занятой отец, которого постоянно не было дома. Иногда по утрам, глядя в зеркало и поворачиваясь то влево, то вправо, он ловит себя на мысли, что думает о матери, и его лицо смягчается от нежности.

Волосы у Томмазо светло-каштановые, почти русые, коротко подстрижены; серо-синие глаза блестят, выделяясь на фоне белоснежной пены, как два драгоценных камня. Настоящий викинг с благородными чертами и нордической внешностью. Свободной рукой он держит бритву, в которой накануне вечером заменил лезвие. Начинает бриться от левого виска – как обычно – проводя идеальную линию сверху вниз.

Тем временем Линда выходит из другой ванной, закутанная в полотенце, тело у нее еще влажное. После тренировки душ доставляет ей непередаваемое удовольствие, наполняя тело ощущением полного блаженства. Она входит в спальню, слегка обтирается мягким полотенцем, потом сбрасывает его на пол. Открывает дверцу шкафа и ищет что-нибудь, чтобы накинуть на себя, и в этот момент звонит iPhone Томмазо, лежащий на комоде.

7.30 утра.

Линда бросает на дисплей рассеянный взгляд: имя знакомое, кажется, это какая-то большая шишка из министерства. Как есть, голышом, она хватает телефон и бежит в ванную, смежную со спальней.

– Томми! – кричит она, настойчиво стуча в закрытую дверь.

– Что такое, любимая?

Любимая.

Она все еще не привыкла к такому обращению. И всякий раз, слыша это слово, слегка вздрагивает. Линда невольно вспоминает, как Томмазо впервые сказал: «Я люблю тебя» – в ту волшебную ночь, когда они прилетели в Лиссабон, понимая, что их жизнь теперь изменится. Как только они вышли из самолета, Томмазо остановил ее, взял за руки и признался в любви, и это было так естественно.

– Я люблю тебя, Линда. Поэтому я хочу, чтобы ты была со мной. Ты ведь знаешь это, правда?

У Линды перехватило дыхание, она молча стояла и смотрела на Томмазо, а по щеке катилась одинокая слезинка. Ее молчание и было ее ответом, их будущим, которое им предстояло написать вместе.

Тем временем Линда продолжает стучать в дверь ванной. Томмазо это немного раздражает, но он тут же берет себя в руки. Ничто не должно нарушить его священный ритуал, который необходим ему, чтобы собрать энергию и сконцентрироваться для успешного рабочего дня.

– Телефон! – настойчиво кричит Линда.

– Скажи, кто, пожалуйста?

– Гильельмо Пизано?!

Томмазо резко закрывает кран и поспешно распахивает дверь, во взгляде – досада и раздражение. Линда понимает, что будь он один, точно не сдержался бы и пнул ногой стену: разговоры с Пизано? – не самое приятное занятие для начала дня.

Линда глубоко вздыхает – ей не хочется портить ему настроение – и, вытянув руку, вызывающе подносит к его глазам дисплей телефона. Она совершенно голая. Томмазо промакивает щеку полотенцем, оставляя вторую наполовину намазанной пеной, и удивленно смотрит на нее. Линда изучает его лицо и оглядывает ванную комнату. Идеальный порядок. Томмазо – само воплощение перфекционизма. Даже если Линда очень постарается, все равно не сможет достичь такого совершенства. Это одна из его черт, которая ей безумно нравится. Ну и, конечно, она обожает его ягодицы, будто выточенные из мрамора, и глаза, которые говорят: «Ты моя единственная женщина на свете. И я только твой». Сейчас ей ужасно хочется запрыгнуть на него и заниматься любовью до изнеможения.

– Не отвечай, пожалуйста, – страстно шепчет Линда, явно намекая на свое желание.

Мигающий и вибрирующий телефон все еще у нее в руке, но взглядом Линда умоляет Томмазо не отвечать на звонок. Она провоцирует его и наслаждается этим, выставляя свою красивую грудь, гладко выбритый лобок, упругие ягодицы.

Томмазо мгновение колеблется, потом решительно берет у нее телефон, и его голос приобретает мягкие нотки.

– Алло?

Линда разочарованно искривляет губы. Томмазо мягко кивает ей, прося выйти, и крутит указательным пальцем в воздухе, что означает «поговорим об этом

позже». Он бесшумно закрывает дверь в ванную и смиренно говорит с Пизано?, представляя, как будет гореть ухо после разговора, который может продлиться и полчаса.

«Блин!» – ругается про себя Линда, фыркает и возвращается в спальню.

Она еще не привыкла мириться с повышенным чувством долга Томмазо.

Линда натягивает черные трусики и майку, ложится на кровать и так лежит какое-то время, переводя взгляд с потолка на стену, на которой висит картина с изображением семи смертных грехов. Она прекрасно помнит тот день, когда Томмазо подарил ей эту картину, будто это было вчера – на рынке в Азоло, после того, как она битый час торговалась с продавцом. Можно сказать, что именно в тот день и начался их роман. И именно поэтому картина была одной из немногих вещей, которые Линда привезла с собой из Венето в Лиссабон, из старой жизни в новую.

Кто бы мог подумать, что Линда Оттавиани станет спутницей важного дипломата? А главное, что она, такая независимая и самостоятельная, бунтарка, для которой личная свобода – превыше всего, будет всецело зависеть от своего мужчины! Пока у нее нет работы, и Томмазо полностью ее обеспечивает. Разумеется, у Линды есть и свои сбережения, главным образом, благодаря последней работе в Италии на вилле Белли. Но если она не найдет здесь работу, то скоро деньги закончатся.

А вот Томмазо, судя по всему, хочет, чтобы Линда навсегда выкинула из головы мысль о работе: он покупает ей все, что она попросит, даже больше, чем ей на самом деле нужно. Он обожает делать Линде сюрпризы и подарки по любому поводу и постоянно повторяет, что она не должна ни о чем волноваться, пока он рядом. Да, но сколько времени это продлится? Иногда эта мысль не дает ей покоя. Но сейчас она не хочет об этом думать. По крайней мере, не с утра, и уж точно не до завтрака.

Исабель Коррейя – их помощница по хозяйству – на работе с раннего утра. Ей недавно исполнилось сорок. Она прирожденная хозяйка: синяя юбка до колена, белая блузка с короткими рукавами и жилетка в тон юбке, туфли-лодочки серо-коричневого цвета. Без ее помощи Линда не справилась бы.

Густые черные волосы Исабель собраны в высокую прическу. С половины шестого утра она хлопочет на кухне, стараясь приготовить изысканный завтрак для Линды и Томмазо: разливает по графинам свежие соки из апельсинов и грейпфрутов, готовит тосты из свежего хлеба, делает разные сладости. Затем она тщательно сервирует стол – именно за это Томмазо ее и выбрал – подбирает скатерть под цвет посуды и аккуратно раскладывает приборы.

В центре стола стоит ваза с белыми розами Аваланш, которые очень любит Томмазо, и Исабель постоянно ищет их в самых шикарных цветочных магазинах Лиссабона.

Беря ее на должность домработницы, он выразился предельно ясно:

– Завтрак – самый важный момент, и он должен быть идеально организован и продуман до мельчайших деталей.

Потом он дал Исабель запечатанный конверт, который приказал открыть дома. В нем она обнаружила инструкции, написанные каллиграфическим почерком Томмазо, – о порядке в доме, уборке и неукоснительном соблюдении обязанностей домработницы. Ей доводилось работать с разными хозяевами, порой даже одержимыми требованиями, но этот заткнул бы их всех за пояс. Хотя, раз уж через девять месяцев он ее не уволил, по-видимому, у них совпадают взгляды на то, как вести хозяйство.

– Добрый день, Иса, – приветствует ее Линда, выныривая из коридора в коротеньком шелковом халатике в черный горошек.

– Добрый день, Линда, – Исабель лучезарно улыбается полными губами, показывая белоснежные зубы.

Они здороваются по-итальянски – Исабель владеет им в совершенстве, ведь ее дедушка из Неаполя, – после чего переходят на португальский.

– Чего бы тебе хотелось на завтрак? – спрашивает Исабель. – Я испекла яблочный пирог, паштейш де ната, болос де аррос, кейшаджини и тосты с повидлом…

– Спасибо, паштейш де ната! – Линда садится за стол, не в силах отвести глаз от этого чуда португальской кухни.

С первого дня в Лиссабоне эти сладости ее околдовали. Невероятное сочетание яиц, сливочного масла, сахара, молока, риса и корицы придает этому блюду оригинальные нотки. Паштейш де ната – настоящий шедевр кулинарии: маленькие слоеные булочки, начиненные нежным кремом с вкуснейшей карамельной прослойкой. Линда могла бы есть их до бесконечности – ведь пробежки сжигают много калорий. Хотя недавно она поняла, что нужно лучше следить за фигурой, увы, обмен веществ уже не тот, что в двадцать лет.

– А пить что будешь, милая? – спрашивает Исабель.

– Эспрессо, – отвечает Линда. – Горячий!

– Отлично, – Исабель подмигивает ей, вставляя таблетку в кофе-машину. – Сейчас все будет.

Линда наблюдает за ней. В каждом движении – врожденная грация, будто она кружится в танце. В свои сорок лет, – из которых около двадцати пяти она работала на других, Исабель будто заключила сделку с дьяволом: ни морщинки на шее, ни вокруг глаз. Ее янтарная кожа, источающая приятный аромат, орехового цвета глаза, наполненные светом, на нее хочется смотреть и смотреть. Она, несомненно, красива – но красота ее, простая и спокойная, только и ждет, чтобы ее заметили. Если бы не Исабель, поначалу Линда пропала бы в новом городе. Она научила ее первым португальским словам, и именно с ней Линда общается чаще всего. И не только потому, что Исабель в совершенстве владеет итальянским. С этой женщиной ей комфортно, и кажется, что они знакомы целую вечность. И еще, в ней есть какая-то тайна. Исабель умеет гадать на картах, и вообще она – кто-то вроде экстрасенса. Спустя несколько дней после приезда в Лиссабон Линда побывала у нее дома и увидела множество баночек с алхимическими маслами, бутылочки с растительными настоями, чудесные квинтэссенции, которые Исабель использует в своих загадочных ритуалах.

В Лиссабоне Иса стала для Линды настоящей подругой. Она даже как-то сказала об этом Марчелле в одном из телефонных разговоров, и в ее голосе Линда уловила нотку ревности. Томмазо относится к их отношениям неодобрительно,

но Линде все равно. Будь его воля – ей пришлось бы общаться только с женами дипломатов. А ей этого совсем не хочется, ей не о чем с ними разговаривать. Они только и говорят, что о детях, мужьях и шопинге.

Единственная общая тема для разговора – это интерьер. Тут уж Линда, разумеется, сразу стала для них гуру, непререкаемым авторитетом, к ней они обращаются за советом по любому поводу. Но всякий раз, как затрагивается эта тема, сердце ее сжимается: она так хочет вернуться к работе, заниматься собственными проектами, но пока это невозможно. И, сказать по правде, от Томмазо помощи совсем мало: похоже, ему очень удобно, что она сидит дома и всегда рядом.

– Паштейш де ната и кофе, – Исабель ставит на стол ее завтрак.

– Спасибо, дорогая, – Линда благодарно улыбается и тут же принимается за десерт.

И в этот момент появляется он. Прямо из патио, своего ботанического царства. Без растений и цветов жизнь Томмазо утратила бы равновесие, как сразу подметила Линда. В суете повседневных обязанностей он каждый день рискует потерять свой баланс. Но в окружении природы, среди своих роз всегда сдержанный Томмазо может, наконец, выплеснуть свои эмоции – здесь он в своей стихии. Вот почему он хотел, чтобы у них была мансарда с внутренним садом.

Он готов к выходу из дома, благоухающий туалетной водой и одетый с иголочки: костюм гипсового цвета, голубая рубашка и синий галстук.

– Добрый день, – здоровается он, входя в комнату.

– Добрый день, синьор Белли, – отвечает Исабель с легким поклоном. – Чего желаете?

– Только кофе, – Томмазо на ходу берет печенье.

Кажется, он раздражен, но нельзя сказать это с уверенностью: не в его правилах показывать беспокойство. Это можно заметить лишь по нескольким деталям:

в этот момент в его глазах появляются едва уловимые колючие искорки, и он начинает слегка покусывать нижнюю губу. Одна Линда это подмечает.

– Даже не присядешь? – произносит она мягко, глядя на него, как кошка.

Томмазо стоит неподвижно: мускулистое тело, прямая спина.

– Нет, Линда, я спешу. Денек предстоит не из легких.

Исабель быстро возвращается с подносом в руках.

– Пожалуйста, синьор Белли, – она ставит на мраморную полочку чашку с кофе.

Линда смотрит на него нежно и в то же время вызывающе, берет за запястье и притягивает, заставляя сесть.

– Ну же, подари своей красавице хоть минутку… – произносит она, поглаживая ему затылок, чтобы сделать приятно. – Может, вернемся в спальню и продолжим нашу прерванную беседу? – она прижимается губами к его выбритой шее и покрывает ее поцелуями.

– Эй! – Томмазо обхватывает ее голову руками. – Не делай так, ты же знаешь, мне трудно устоять…

– А тебе и не нужно, – продолжает Линда, пробегаясь пальцами по его бедру.

Исабель на секунду вышла из кухни, но Линда уверена: если бы она это видела, то одобрила бы ее действия.

– Линда, пожалуйста, веди себя хорошо, – Томмазо останавливает ее. – Мне надо идти. Правда.

Он допивает кофе и резко встает.

– Вернемся к этому разговору вечером. Обещаю, я не забуду, – улыбается Томмазо, запускает руку Линде между ног, слегка лаская и на мгновение

пробуждая в ней желание. Линда целует его в губы.

– Давай сегодня сходим куда-нибудь, поужинаем?

– Да, детка, – отзывается Томмазо (после той поездки в Каринтию он стал так ее называть, хотя «любимая» ей нравится гораздо больше). – Сходим с представителем португальского парламента и еще с немецким консулом.

Произнося это, он поправляет пиджак.

– Они будут с женами? – спрашивает Линда, но на самом деле, ее это не волнует – она хочет подольше задержать его.

– Конечно, – Томмазо поправляет галстук, собираясь выходить.

Но Линда не отступает:

– А говорить там будут по-португальски?

– Думаю, да. Но ведь всегда можно обойтись английским… хотя я уверен, тебе он не понадобится, – он доверительно ей подмигивает.

– А Юлиус тоже будет? – продолжает допрос Линда.

С ассистентом Томмазо, который в совершенстве владеет пятью языками, ей гораздо спокойнее. К тому же, хотя Линда никогда не скажет это Томмазо, Юлиус единственный из всей этой дипломатической братии, у кого есть хоть немного чувства юмора.

– Да, он тоже будет, – отвечает Томмазо. – Но все равно обещай мне, что пойдешь сегодня на урок португальского. Очень важно, чтобы ты чувствовала себя уверенно. К тому же ты почти у цели – та Линда, которую я знаю, не отступит, дойдя до финиша.

Он нежно теребит ее за щеку.

– Конечно, пойду. Как прикажете, шеф!

– Вот и замечательно, – Томмазо прощается с ней, почти официально, потом неожиданно крепко целует в губы. Линда приподнимается на носочки, но он отстраняется от нее.

– Хорошего дня, синьор Белли, – бормочет она немного разочарованно.

– И тебе, любимая. Веди себя хорошо.

Томмазо слегка шлепает ее по попке.

– Ну все, я побежал! – произносит он, выскакивая за дверь.

Едва Томмазо выходит, Линда включает iPad, чтобы почитать итальянские новости. Ей нравится быть в курсе событий, поэтому каждое утро она просматривает основные новостные сайты. Пролистывая страничку «Коррьере делла Сера», ей в глаза бросается имя: Алессандро Деган. Она перечитывает статью дважды, чтобы убедиться, что пишут именно о нем. На этот раз сюрприз приятный – Алессандро, наконец, осуществил мечту всей своей жизни.

«Лауреат престижной премии Sony World Photography Award в категории Информационных программ» – пишут о нем в статье. А все благодаря его смелому репортажу о вьетнамских фабриках.

Линда от радости, едва сдерживая слезы, выкрикивает его имя, кружась по кухне в каком-то безумном танце. Иса обеспокоенно прибегает с мыслью, не случилось ли чего. Но тут же понимает, что Линда счастлива, и уходит, лишь когда узнает от нее все подробности.

Линда не знает, где сейчас Алессандро, но ей важно, чтобы он почувствовал, что она рядом с ним и гордится им. Поэтому она решила ему написать. Всего несколько слов, но в них – все:

«Молодец, Але. Где бы ты ни был сейчас, я тобой горжусь. Твоя фанатка № 1».

Вот теперь можно считать, что день действительно начался хорошо.

Наступил вечер. Линда переделала кучу дел. Сначала – урок португальского: сегодня была новая преподавательница, Кристела, жутко строгая и не очень приятная. Потом – йога в фитнес-центре; эпиляция с медом, маникюр и педикюр в салоне красоты и, наконец, укладка в парикмахерской. Волосы уложены безупречным каскадом – их можно завить в ту или другую сторону в зависимости от настроения. Ушло немало времени на приготовление к вечеру, но результат того стоил. Образ удался: маленькое черное платье, мягко подчеркивающее ее формы, воздушная завивка, зеленые глаза подчеркнуты тенями «смоки-айз», на ногах – черные туфли на двенадцатисантиметровых каблуках.

Просто загляденье, кажется, что Линда вся светится изнутри. И, по правде говоря, в этот вечер она чувствует себя немного богиней.

Линда выходит из такси на Праса ду Мунисипиу и грациозной походкой направляется к Томмазо, который ждет ее рядом с Пелуриньо, величественной колонной из камня в центре площади. Он молча смотрит на нее. Он безумно влюблен – это видно.

– Ты прекрасна, любимая. Не перестаешь меня удивлять, – Томмазо обнимает Линду.

– Спасибо. Где мы ужинаем?

– В «Тажиде». Нас там уже ждут.

– Отлично!

Это, наверное, самый изысканный ресторан Лиссабона, – впрочем, она уже привыкла: Томмазо ходит только в самые дорогие рестораны.

– Пойдем пешком, тут рядом, – он галантно берет ее под ручку. Потом задумчиво смотрит на ее туфли.

– Ты сможешь пройти пять минут на этих ходулях?

– Ты во мне сомневаешься, Томми? Я сейчас обижусь… – Линда вызывающе смотрит на него, потом смеется, уверенно двигаясь на своих высоченных

каблуках.

Главный зал ресторана очаровывает – стены декорированы великолепными бело-синими азулейжос – знаменитыми португальскими изразцами. Официант сопровождает их до столика, за которым уже сидят другие гости, и с поклоном удаляется.

– Боас тарджис, – Томмазо приветствует всех сидящих за столом, и в ответ раздаются восклицания, которые Линда с трудом разбирает.

Но она старается сделать вид, что чувствует себя в своей тарелке: тут же надевает свою лучшую улыбку, ища глазами Юлиуса, который вселяет в нее уверенность, и садится рядом с Томмазо.

Вскоре подают аперитив – решающий момент для подобных мероприятий: это помогает наладить контакт и создать общее представление о присутствующих.

В это время Линда пытается определить потенциальных собеседников. Хотя иногда бывает, что приходится весь вечер молчать, особенно когда все разговоры сводятся к сугубо профессиональным вопросам. Но сегодня повезло, во всяком случае, ей так кажется при первом взгляде на гостей.

Сегодня за столом Мануэль Баррозу – один из представителей правящей партии Португалии, и его жена Тереза, дама из высшего общества. Она в кремовом костюме, волосы шиньоном собраны в прическу, напоминающую банан. Потом Линда видит немецкого консула Герхарда Крюгера и его жену Лидию, которая лет на двадцать моложе его: ей тридцать, стиль одежды уже более современный, чем у Терезы, на ней черно-белый брючный костюм, волосы цвета платиновый блондин струятся по плечам. Наконец, разделяет немецкую и португальскую стороны стола молодой ассистент Томмазо, вездесущий Юлиус Шварц, которому Линда будет вечно благодарна только за одно его существование!

Они сидят за самым лучшим столом в ресторане, у панорамного витражного окна. Отсюда открывается потрясающий вид на Лиссабон: огни Альфамы, собор Сэ, замок Святого Георгия, тихая синяя гладь Тежу, сливающаяся с небом.

Через некоторое время два официанта в белых костюмах и черных галстуках-бабочках приносят закуски, и на столе появляются живописные лодочки из авокадо с моллюсками, приправленными диким фенхелем, желе из манго с розовой солью, мусс из раков в хрустящей рисовой лепешке с шарлоткой из кабачков с тимьяном и кориандром. Линде хочется немедленно съесть все это великолепие и при этом не привлекать к себе всеобщего внимания.

Герхард заказывает самое дорогое шампанское из винной карты.

– Это я беру на себя, – говорит он с некоторой гордостью.

Улыбка мафиози, но лицо добродушное. Он кажется довольно милым – во всяком случае, пока. В отличие от своей супруги Терезы, похожей на гиену, – она из тех стерв, которые готовы вонзить кинжал в спину с милой улыбкой на лице.

Сомелье бормочет что-то в знак одобрения отличного выбора.

Несколько минут спустя он возвращается с бутылкой «Pol Roger Brut Reserve Mathusalem». Первым бокал для тоста поднимает Герхард, за ним – Томмазо, светящийся напускным радушием. Линда, не вполне понимая, за что пьют, одним глотком осушает свой бокал – на лице у нее блаженство истинного знатока. Затем она берет лодочку из авокадо и отправляет ее в рот, не нарушив при этом этикета, к радости Томмазо.

Тереза, сидящая рядом с Линдой, напротив, сама сдержанность и достоинство, с манерами почти первой леди. Она поворачивается к Линде, чтобы завести беседу.

– Ну как, тебе нравится Лиссабон? – спрашивает она по-португальски, стараясь четко произносить каждое слово.

Линда едва сдерживается, чтобы не рассмеяться – она что, за полную дуру ее держит?

– Да, мне здесь очень хорошо, – отвечает она, и хотя ее португальский неидеален – пусть Тереза поймет, что Линда его знает. – В этом городе столько жизни, он так вдохновляет… К тому же, я обожаю ночную жизнь в Лиссабоне.

– Я тебя понимаю, дорогуша. Ночных клубов здесь предостаточно, – отвечает Тереза, в голосе которой слышится досада. Должно быть, она уже целую вечность не танцевала, в отличие от Линды, завсегдатая вечеринок в Баирро Алто и Докас с Томмазо и без него. Ее девиз: никогда не упускать возможности.

– И этот город просто дышит искусством, – воодушевленно продолжает Линда. Шампанское понемногу начинает развязывать ей язык и кружить голову. А в этой ситуации это весьма полезно.

– Каждый день какая-то выставка, музей, инсталляции под открытым небом. Обожаю Лиссабон!

Она слегка растягивает слова, и ей кажется, что язык стал заплетаться, – нужно быть осторожной. Среди этих гадюк нельзя расслабляться.

Тем временем на столе появляются жареные креветки с кокосовым кремом и филе трески на овощах. Судя по чистым тарелкам, которые поспешно уносят официанты, всем очень нравится здешняя кухня.

Пока женщины обсуждают моду и сплетни, мужчины беседуют о торговой политике. Линда почти ничего не понимает, о чем говорят Томмазо и его коллеги. Ей и по-итальянски было бы нелегко это понять, не говоря уж о португальском. Рядом с женами этих важных шишек Линда чувствует себя, как в клетке с тигрицами.

Между Томмазо и Герхардом негласная, но жесткая конкуренция, постоянное соперничество, которое читается даже в их взглядах: два доминантных самца, которые не перестают мериться силами, доказывая друг другу, кто круче.

– Думаешь, сейчас подходящий момент для инвестиций? – говорит Герхард, не разжимая губ и оглядывая зал, будто опасаясь, что за ними могут шпионить.

– Ну… честно говоря, я бы подождал пару месяцев, – уверенно, но осторожно отвечает Томмазо.

Чтобы не упустить подходящий момент, нужно чутье и умение правильно оценить ситуацию. За долгие годы работы он уже научился понимать

определенные сигналы и усвоил, как бывает легко ошибиться.

– Все зависит от Центрального банка Европы, – вмешивается Мигель. – Когда они снимут с нас ярлык «плохого» государства, может быть, и иностранным инвесторам станет легче.

– На это понадобится время, но уже чувствуется, что дела идут на лад, – поспешно вставляет Томмазо.

Разумеется, он неслучайно приехал в Португалию, долго изучал экономическую ситуацию в стране, и к его мнению уже давно прислушивались.

– Именно Лиссабонский договор убил всех: нас, Грецию, Испанию, Ирландию, – продолжает тем временем Мигель. – В 2007?м все было совсем по-другому.

– Зона Экспо могла бы стать отличной отправной точкой, – говорит Томмазо, повернувшись к Герхарду. – Не так ли?

– Возможно, – качает головой тот. – Но нужно иметь четкий план. Я против поспешных действий.

– Значимость любого предприятия определяется полнотой его перспектив и возможностью внести изменения по мере необходимости, – произносит Томмазо одну из фраз, которые он, кажется, выучил наизусть, как урок из школьного учебника.

– С этим не поспоришь, – отвечает Герхард.

Линде ужасно скучно, ей уже не терпится уйти.

Она пытается зацепиться за соломинку, чтобы поддерживать разговор с тигрицами, хотя за столько месяцев уже стоило бы к этому привыкнуть на деловых ужинах и светских вечеринках. Всякий раз Линда старается найти контакт с этими людьми и все равно терпеть не может эти нудные светские приемы. Она никогда не умела притворяться.

К тому же она с ходу может вычислить слабое место своих собеседников, их внутреннюю пустоту, которую они тщательно скрывают за внешней безупречностью и деловитостью.

Линда никогда не стеснялась открыто высказывать свое мнение – пусть даже из-за этой черты могла прослыть стервой.

Наконец подали десерт: трубочки с горячей начинкой из абрикосов и кардамона, блинчики-фламбе с ликером «Бейрао» и сорбет из маракуйи с кокосовой стружкой и множеством других ингредиентов.

Линда пожирает сладости глазами, потом берет трубочку и решительно откусывает кусок.

– Вкуснятина! – громко восклицает она.

Потом снова впивается зубами в трубочку, из которой вытекает немного крема и падает ей прямо на платье.

– Porra! – безотчетно вскрикивает она. – Puta merda![1 - Черт! Вот дерьмо! (Пер. с португальского)]

Томмазо возмущен, как и все за столом, но тотчас берет себя в руки, удостоив Линду неодобрительным взглядом:

– Все в порядке, милая?

– Да как сказать… – Линда отчаянно пытается стереть крем салфеткой.

– Может, лучше сходишь в уборную, приведешь себя в порядок? – вполголоса подсказывает он, давая понять, что она ставит его в неловкое положение.

– Да, любимый… – отвечает Линда, осматриваясь в поисках туалета.

– И вообще, – продолжает он шепотом. – Не знаю, где ты набралась этих выражений, но в моем присутствии чтобы это было в последний раз. Поняла?

– Ты прав, прости, – бормочет Линда не очень убедительно.

Она немного навеселе, но все же улавливает в его голосе упрек – и ей это не нравится. Линда понимает, что переборщила, но сейчас единственное, что ее беспокоит, – как избавиться от пятна на платье. К тому же, думает она с гордостью, раз уж она ругается по-португальски, это верный знак того, что процесс пошел и язык усваивается!

Этих выражений портовых грузчиков она набралась у Исабель. Томмазо это понял, поэтому он против их встреч вне дома, но Линда, как всегда, его не слушает – и повсюду ходит с Исабель за покупками или просто погулять. На улице она и научилась тому, чему не учат на уроках.

Вернувшись из уборной, она с облегчением видит, что все уже забыли о досадном происшествии.

Ужин подходит к концу, и Линда дергает Томмазо за рукав, чтобы привлечь его внимание.

– Может, лучше пойдем домой? – упрашивает она медовым голосом, не в силах больше ждать.

– В каком это смысле – лучше?

– В том смысле, что ты мне кое-что обещал… помнишь? – она соблазнительно смотрит на него.

– Да? – спрашивает Томмазо и улыбается.

– Да, – отвечает Линда, не двигаясь с места.

– Ну, хорошо, – соглашается Томмазо и поднимается первым.

– Господа, нам пора… – говорит он, собираясь попрощаться со всеми.

Линда нетерпеливо вскакивает, но потом колеблется.

– Ты хочешь побыть тут еще немного? – шепчет она ему на ушко.

– Нет, детка… – заговорщицки отвечает ей Томмазо. – Я хочу домой, уже пора.

Он и сам устает от этих деловых ужинов. Хотя Линде он в этом никогда не признается.

Выйдя из ресторана, они садятся в такси. Ночью Лиссабон прекрасен – даже более красив, чем днем. Белые огни отражаются от фасадов домов и растворяются в небе, переплетаясь с лунным светом и озаряя изразцы азулейжос невероятным сиянием. Линда прижимается к Томмазо на заднем сиденье. Он крепко обнимает ее.

– Тебе было хорошо? – спрашивает он, целуя ее в лоб, а потом в губы.

– С тобой мне всегда хорошо.

Томмазо пожирает ее пронзительно-синими глазами, в которых, впрочем, читается легкий упрек.

– Только в следующий раз давай обойдемся без ругательств.

– У меня как-то само вырвалось, – оправдывается она.

– Милая, в этом-то и есть твоя слабость: спонтанность, – Томмазо вздыхает и прижимает ее еще крепче.

– Я думала, тебе это нравится, – удивленно произносит Линда.

– Да, но иногда полезно уметь себя контролировать, – отвечает он, подмигивая.

Уже не в первый раз Томмазо делает ей подобные замечания. Линда понимает, как для него важно иметь рядом достойную спутницу. Только иногда она сомневается в том, что хочет ею стать. И ей страшно. Она вспоминает присутствовавших за ужином людей и многих других, с кем она общалась на подобных вечерах, сопровождая Томмазо. Несмотря на то что они стараются быть с ней учтивыми, иногда ей кажется, что она никогда не станет для них

своей. А может быть, ей этого и не хочется: похоже, этот строгий мир, живущий по четким правилам, никогда не будет ей родным. Мир, где все отношения настолько формальны, что это граничит с лицемерием. Мир, где статус – самое главное. Видимость – вот стиль их жизни. В любом деле они стараются избежать конфликта и прийти к компромиссу.

Когда Линду одолевают подобные мысли, она очень скучает по людям, которые по-настоящему ей близки: дяде Джорджо, друзьям, Алессандро. Она старается не придавать большого значения внутренней пустоте, которая подчас возникает, чтобы не разрушить отношения с Томмазо. Но когда по радио звучит «Losing My Religion» группы «R.E.M.», она невольно вспоминает Але: когда они учились в лицее, это была его любимая песня.

Теперь рядом с ней Томмазо. А когда они вместе, ей кажется, что у нее действительно есть все и что ей больше ничего не нужно.

Глава 2

Дверь кухни приоткрыта: Исабель еще там. Томмазо заглядывает и несколько секунд смотрит на нее – но она его не видит. Электронные часы на стене показывают 21.37.

– Можешь идти, Исабель. Уже поздно…

– Вы уверены, синьор Белли? Вам больше ничего не нужно?

Исабель закрывает дверцу посудомоечной машины. Она только что загрузила туда посуду после ужина.

– Нет, Исабель. Иди, – кивает Томмазо.

В голосе его слышится скорее не разрешение, а приказ. Как будто ему не терпится, чтобы она поскорее ушла.

– Хорошо. Спасибо, – домработница благодарно улыбается, показывая свои белоснежные зубы. Снимает перчатки и включает посудомоечную машину. Согласно договору, рабочий день Исабель заканчивается в десять, когда она заканчивает уборку, но иногда они отпускают ее пораньше. Ей это кстати: она может встретиться со своим парнем Мануэлом, приведя себя в порядок, – а то на это вечно не хватает времени. Исабель рассказала ей, что их отношения с Мануэлом становятся все серьезнее, и они уже хотят жить вместе.

– До завтра, – прощается Томмазо.

– Хорошего вечера, синьор Белли, – Исабель слегка кивает и выходит из комнаты.

Выйдя из кухни, она видит Линду, развалившуюся на диване с иллюстрированной книгой о Надире Афонзу, португальском архитекторе и абстракционисте, с творчеством которого она познакомилась, живя в Лиссабоне.

– Пока, Иса, хорошо тебе отдохнуть сегодня вечером, – подмигивает она и улыбается.

– До завтра, дорогая, – отвечает Исабель.

Вдруг Линда приподнимается на локтях.

– Иса, не забудь принести масло бессмертника, которое помогло мне от мигрени.

Головная боль тогда прошла, но вот уже два дня, как опять ни с того ни с сего вернулась. Может, она слишком много читает – вечно эти чертовы учебники по грамматике. Нужно будет сказать об этом Томмазо – а то он считает, что она недостаточно усердно занимается.

– Разумеется. До завтра!

– До завтра, – отвечает ей Линда.

Исабель заходит в служебный туалет, снимает передник и смотрит в зеркало: лицо у нее усталое. До прихода Мануэла нужно будет подкраситься и подобрать подходящее платье, чтобы выглядить презентабельно – хотя он не придает этим вещам особого значения, она ему нравится такой, какая есть.

Когда Исабель уходит, Томмазо подсаживается на диван к Линде и нежно целует ее в затылок.

– Наконец-то мы одни, любимая… Ну, как тебе книга?

– Я ее сегодня купила, – отвечает она, все еще погруженная в чтение. – Я просто влюбилась в Афонзу. К тому же я стараюсь освоить специальные искусствоведческие термины… хотя пока мне это дается с трудом.

Она кладет книгу на подушку и прижимается к Томмазо.

– А у тебя как дела? Трудный был день? Как работа?

– Суета, как обычно, но в целом нормально. Не жалуюсь, – он морщит лоб. – А ты? Как твой португальский?

– Ну, скажем так, примерной ученицей меня не назовешь, терпеть не могу учительницу, но вроде бы все получается, – она умолкает и нежно смотрит на Томмазо. – Ты мной гордишься? У меня уже получается неплохо писать. И вполне приличные слова… – слегка обиженно заканчивает она.

– Я и не сомневался. Поставить тебе пятерку в дневник? – подтрунивает Томмазо. – Кроме шуток, письмо – это самое сложное. У меня тоже поначалу плохо получалось… – добавляет он, поглаживая ее по спине.

Похоже, на этом разговор пока исчерпан, и Томмазо берет в руки пульт, чтобы включить телевизор.

– Посмотрим какой-нибудь фильм? – спрашивает он Линду, щелкая спутниковые каналы.

Повисает долгая тишина.

«Что это еще за вопрос?» – думает Линда.

Конечно же, нет! Они не занимались любовью уже больше недели, а он собрался смотреть телевизор. Даже после того ужина с португальцами и немцами, под предлогом того, что вернулись домой поздно, они решили отложить это занятие до лучших времен и просто заснули рядом, даже не обнявшись. Может, это и нормально по прошествии времени, но Линде это не нравится.
Она заметила, что в последнее время Томмазо порой избегает ее взгляда. Не то чтобы он стал уделять ей меньше внимания; но бывает, несмотря на ласки и поцелуи, Линда замечает, что мысли его заняты другим и он где-то далеко, куда ей вход заказан. Ей хочется поговорить с ним об этом, но она не знает, с чего начать. Пока это только ее ощущения, и она боится, что, произнеся эти мысли вслух, они превратятся в реальность. К тому же, сегодня вечером у Томмазо и впрямь усталый вид, и ей не хочется доставлять ему лишнее беспокойство. И это вовсе не оправдание, говорит она сама себе: рано или поздно это нужно обсудить, ей не нравится держать все в себе. Хотя, возможно, это временное явление и скоро пройдет. Не стоит портить из-за этого вечер.

– Ну, так как? Хочешь? – снова спрашивает Томмазо.

Линда и не заметила, что, погрузившись в мысли, она выпала из реальности чуть дольше положенного. Она поспешно отвечает ему, впрочем, малоубедительно:

– Конечно. Выбери сам, что хочешь, милый.

– Как насчет «Уолл-стрит: деньги не спят»?

Как это похоже на Томмазо! Линда кивает.

– Только на итальянском! Никаких субтитров! – уточняет она.

Линду утомляет его пристрастие к фильмам в оригинале.

– Ну хорошо, на этот раз будь по-твоему. Но только потому, что ты получила хорошую отметку… – улыбается Томмазо.

В ответ Линда только показывает ему язык, потом целует в щеку и прижимается к его усталому телу. Томмазо приподнимает руку, чтобы Линда устроилась поудобнее, и крепко обнимает ее. Начинается фильм, и Линда изо всех сил старается сосредоточиться, заставить себя проявить хоть какой-то интерес, но биение его сердца, которое она отлично слышит в этом положении, ее сбивает. Оно четкое, ровное – совсем как он. Кажется, что Томмазо всецело поглощен сюжетом. Неожиданно он спрашивает:

– Я совсем о тебе забыл в последнее время, да?

Он произносит это, не отрываясь от экрана, будто обращается не к ней. Линда озадаченно приподнимает голову с желанием заглянуть ему в лицо. Он что, читает ее мысли?

– Ну, вообще-то, да, – соглашается она. – Я соскучилась. Но это поправимо. Например, сейчас…

Она не договаривает и проводит рукой по ластовице его брюк. Ну, наконец-то! Как давно она этого не делала!

Но Томмазо не реагирует, будто не замечает ее прикосновения, он неподвижен и лишь чуть вздрагивает от неожиданности. Потом, продолжая смотреть фильм, он прижимается щекой к ее щеке в ожидании еще одного поцелуя.

– Я исправлюсь, малышка. Только подожди еще немного, до завтра.

Линда разочарованно убирает руку.

Она ничего не понимает: никогда раньше ей не отказывали мужчины. Она ощущает внутри гнетущую пустоту, от которой сжимается горло, почти до удушья. Хотя, может быть, Линда преувеличивает и сама себя накручивает. Она в самом романтичном городе, какой только можно себе представить, в квартире, как на страницах журнала, рядом с мужчиной, которого любит и который любит ее. И если он всего один вечер не хочет заниматься любовью, можно и потерпеть, ведь так? Нельзя получить от жизни все и сразу. В конце концов, нужно ведь подождать всего один день…

На следующий день, вернувшись после урока португальского, Линда обнаружила на кровати белую коробку с красной атласной ленточкой. Быстро развязав бантик – она обожает сюрпризы! – она увидела внутри чудесное платье: короткое, черное, из шелка и шифона с кружевными аппликациями на уровне груди. И записка, написанная рукой Томмазо:

Надень это платье сегодня вечером. Белья не надевай. Будь готова к 21.00. За тобой приедет машина и отвезет в особенное место.

Линда с удовольствием включилась в игру и в точности выполнила все указания Томмазо. До встречи осталось совсем немного. Она стоит перед зеркалом и поправляет платье по бокам. Потом оглядывает себя в полный рост, пробует придать лицу соблазнительное выражение и проводит рукой по гладкому и мягкому шелку. Нечего сказать, в моде Томмазо разбирается, и у него хороший вкус. Линда еще не встречала мужчину, не считая геев, который разбирался бы в одежде так же хорошо, как женщина.

Линда сделала полную депиляцию. «Brazilian wax», – решительно заявила она в салоне красоты. Это ее любимая процедура. Она не представляет, куда он ее повезет, но, зная его, уверена в том, что это будет сказочное место.

Она умирает от нетерпения и желания узнать об этом и взволнована, как ребенок, а самое главное – теперь она знает, что ожидание того стоило. Все страхи вчерашнего вечера и переживания о понижении градуса их отношений выветрились из ее головы.

Линда сбрызгивает духами «Картье» затылок, внутреннюю сторону коленей, запястья. Это Томмазо открыл ей этот аромат, и с тех пор Линда не может без него обойтись.

– Машина прибыла, – доносится из прихожей голос Исабель.

На часах – ровно девять. Внезапно Линда ощущает легкое волнение и обращается к домработнице.

– Как я выгляжу? Только честно… – спрашивает она, желая услышать ободрение.

– Ты прекрасна, милая. Честно, прекрасна, – отвечает та почти с театральной мимикой.

Исабель всегда такая теплая, дружелюбная, жизнерадостная. Линде и в самом деле повезло, что она с ней познакомилась – теперь ей не так одиноко на чужой земле среди незнакомых людей.

– Спасибо, Иса, – улыбается она.

Линда открывает шкаф, чтобы выбрать туфли, и, недолго думая, берет черные с открытым носом на двенадцатисантиметровой шпильке. Она вся будто наэлектризована, и хотя уже вечер, ей кажется, что кожа ее горит. Линда ощущает приток внутренней энергии, как школьница перед первым учебным днем. Она выходит на улицу, где ее уже ждет черный «Роллс-Ройс Фантом», начищенный до блеска; дверца со стороны тротуара приоткрыта. За рулем – водитель в черной ливрее с золотой оторочкой. У Линды перехватывает дыхание: она никогда не видела такой машины, и надо признать, что на фоне мощеных улочек Лиссабона она здорово бросается в глаза. Но Линду всегда привлекал контраст.

Едва устроившись на сиденье, обтянутом мягкой белой кожей, она чувствует, что сердце бешено колотится.

– Вы можете сказать мне, куда мы едем? – спрашивает Линда у водителя.

– К Алфаме, но сеньор Белли дал четкие указания не говорить вам, куда именно.

– Ох, уж этот синьор Белли! – качает она головой, сияя от радости.

Подобные тайны и загадки – его стихия.

– Ну, хотя бы малюсенькую подсказочку?

Может быть, если она будет упрашивать своим кошачьим тоном, водитель, наконец, уступит.

– Не могу, сеньора, уж простите. Но осталось совсем немного.

Через несколько минут Линда совершенно запуталась в лабиринте улочек. Затем «Роллс-Ройс» останавливается перед дворцом с фасадом, отделанным ромбами в стиле Мануэлино.

И тут она видит его.

Томмазо в элегантном смокинге подходит к машине и открывает дверцу.

– Добрый вечер, сеньорита Оттавиани, – он с улыбкой протягивает Линде руку, помогая выйти из машины.

– Добрый вечер… – подмигивает ему Линда и целует в губы.

Он отвечает на поцелуй и отстраняет ее, чтобы полюбоваться. Удовлетворенно рассматривает ее со всех сторон.

– Ты божественна в этом платье. И не только потому, что я уже представляю, что под ним…

– Вообще-то ты уже должен знать, что под ним, – Линда пытается шутить, чтобы немного снять эротическое напряжение, которое вызвал его комплимент.
Она закусывает губу.

– Есть вещи, которые невозможно узнать до конца… Надеюсь, ты поможешь мне разобраться в них лучше, да?

Томмазо улыбается и сопровождает ее к входу во дворец. Массивные двери перед ними распахиваются, и в дверном проеме тут же возникают две девушки, брюнетка и блондинка, в платьях древнеримских служанок.

– Добро пожаловать в «Кармик», – в один голос произносят девушки.

Они обе – эталонные красавицы, прямо-таки воплощение женского идеала.

– Пожалуйста, следуйте за нами…

Брюнетка жестом приглашает их пройти к зеркальному лифту. Томмазо прижимает к себе Линду, проводя рукой по ее спине и ягодицам.

– Пойдем, детка, – говорит он, обнимает ее за талию.

Линда полна любопытства: она с жадностью оглядывается, пытаясь найти ответы на свои вопросы, но все еще не понимает, где находится. Судя по лифту, обитому красным и черным бархатом, не похоже, что это ресторан или танцевальный клуб.

– Любимый, ты так и не скажешь мне, где мы?

– Нет, Линда, ты сейчас сама увидишь.

Когда на приборной панели лифта загорается цифра «9», зеркальные двери раздвигаются.

Первой выходит светловолосая служанка. Она набирает на электронном устройстве типа iPad, расположенном на стене, цифры кода. Затем делает знак своей темноволосой напарнице, которая тут же одаривает Томмазо и Линду фирменной улыбкой.

– Все готово, – наконец говорит она, кивком приглашая их выйти из лифта.

– Надеюсь, вы насладитесь этим вечером.

– Спасибо, – Томмазо прощается с ней.

Линда выходит вслед за ним со все растущим любопытством. Что бы он ни приготовил, она уже возбуждена. Блондинка передает Томмазо черный конверт, и они идут вслед за ней по длинному коридору. На полу – красная ковровая дорожка, усыпанная черными лепестками.

– Ну вот, мы пришли, – говорит Томмазо.

Перед ними – стеклянная дверь в обрамлении двух колонн, на мраморном архитраве – золотые буквы «Кармик». Каждая деталь этого места говорит

об элегантности и чувственности.

– Хорошего вечера, – служанка кланяется и исчезает в облаке белого пара, как привидение.

Через мгновение дверь открывается – и перед ними неожиданно возникает будто волшебная пещера сорока разбойников. У входа гордо восседает женщина в красном. На ней – туника с геометрическим вырезом до пупка, за которым слегка видна грудь, а через ткань проступают соски.

– Следуйте за мной, – говорит она глубоким голосом. – Я отведу вас к вашему столику.

Взгляд ее похотливый и опасный, плотоядный и уязвимый. Линда уверена, что любой мужчина, увидев ее, был бы готов на безумства. Совершенно сбитая с толку, Линда идет рядом с Томмазо вслед за женщиной. В воздухе витает легкий аромат ладана, из динамиков доносится приглушенная музыка – нечто среднее между арабскими и этническими мотивами. По мере того, как глаза Линды привыкают к приглушенному, теплому, слегка золотистому свету, она начинает различать контуры предметов, погруженных в полумрак: стены помпейского красного цвета с венецианской лепниной и азулейжос, столики в стиле Людовика XVI, покрытые черным лаком, стулья, обитые кармазинным бархатом. Линда поражена. Она еще не поняла, нравится ей здесь или нет, но ощущение такое, будто она оказалась на съемках фильма «Камо грядеши?». Интересно, что думает об этом Томмазо? Пока это место кажется Линде абсурдным, и ей слегка не по себе. Она непроизвольно расплывается в улыбке. Здесь все слишком сюрреалистично. Внутри у нее бурлит водоворот эмоций: предубеждение, любопытство и возбуждение сплелись в единое целое.

Чем дальше они проходят в глубь помещения, глаза привыкают к полумраку, и Линда лучше различает окружающие силуэты людей. Почти все они обнажены. За занавеской из органзы она замечает женщину с идеальным телом, в одних чулках из тончайшего черного кружева, возлежащую на шезлонге бронзового цвета в стиле минимализма. Рядом с ней – мужчина; Линда не может различить его лица, но мускулы на его груди, смазанные маслом, впечатляют. Чуть дальше видны два силуэта, завернутые в мантии из черного атласа, которые страстно обнимаются, прислонившись к колонне.

В воздухе – странная тишина: все эти люди не разговаривают друг с другом, лишь мягко двигаются, познают друг друга через тело и не стремятся сразу же овладеть друг другом. Линда не знает, на чем сосредоточиться: она вертит головой, и на лице ее изумление и растерянность. Но Томмазо уверенно идет вперед, будто находится в своей стихии: несомненно, он уже бывал в подобных местах, в отличие от нее.

Наконец женщина в красном приглашает их присесть за столик и мгновенно испаряется, бесшумно и незаметно. До сих пор они молчали, и Томмазо внезапно нарушает тишину.

– Ну, что ты об этом думаешь? – говорит он почти шепотом с расслабленной улыбкой.

Но Линда задумчиво отвечает:

– Не знаю, что и сказать. Мне нужно еще время, чтобы привыкнуть.

Чем больше она осматривается, тем более неловко себя чувствует в этом кресле, обитом красным бархатом. Линда не может представить, сколько за много лет здесь побывало людей, окропивших соками своего желания эту красивую, изысканную ткань, и поэтому все здесь кажется ей прекрасным и в то же время грязным.

Томмазо приближается к ней, целует в шею и шепчет на ушко:

– Все время – в твоем распоряжении, Линда. Я хочу, чтобы сегодня вечером тебе было так хорошо, как никогда прежде.

И с этими словами Томмазо быстро запускает руку ей под платье, между ног. Он чувствует ее мягкую промежность, влажную плоть, готовую дарить и получать удовольствие.

– Да… это именно та Линда, которую я знаю, – чувственно говорит он.

Внезапно она обхватывает его голову обеими руками и заставляет замолчать, запечатав рот страстным поцелуем. В это время появляется официант в белой,

расстегнутой на груди льняной рубашке, под которой можно различить идеальное тело. Линда удивленно выпускает Томмазо, заглядевшись на мускулистого молодого человека.

– Чего желают выпить господа? – спрашивает официант, и этот вопрос возвращает Линду в реальность.

– Мне «Мартини драй», – быстро отвечает она.

Ей срочно нужно выпить, это поможет привести мысли в порядок.

– Отличный выбор, – замечает Томмазо. – Два, пожалуйста.

– Два «Мартини драй», – записывает официант в блокнот. – Что-то еще?

– Пока достаточно, – отвечает Томмазо.

Молодой человек кивает и исчезает за черной бархатной занавеской. Через несколько секунд – Линда не представляет, как это возможно – их заказ приносит официантка, облаченная в миниатюрное платье из черного тюля, не оставляющего большого простора для воображения.

Ее глаза закрыты кружевной маской также черного цвета.

Линда немедленно делает глоток.

– То, что нужно, – шепчет она, будто боясь услышать собственный голос.

Она могла представить себе все, что угодно, но только не подобное место. Линда испытывает странное смятение, которое нельзя назвать возмущением, скорее, это любопытство, и такая странная ситуация будоражит ее. Она нервно сплетает и расплетает ноги – и вдруг вспоминает, что на ней нет трусиков. Мужчина в расстегнутой рубашке, сидящий через несколько столиков, быстрым движением отбрасывает со лба волосы и вожделенно смотрит на нее. О боже, ей показалось или он и в самом деле ей подмигнул? Она не верит своим глазам. Инстинктивно, по-кошачьи, она прижимается к Томмазо, испытывая желание почувствовать тепло знакомого тела.

В ответ он обнимает ее еще крепче.

– Ты готова, Линда? Хочешь испытать со мной новые ощущения? – полушепотом спрашивает он.

– Я… – Голос ее срывается от волнения. – Думаю, да… хотя понятия не имею, что меня ждет.

– Так даже лучше – эффект неожиданности только усилит удовольствие. Вот увидишь, тебе понравится.

Она смотрит Томмазо в глаза и решает ему довериться:

– Я готова. Для тебя.

Томмазо целует ее и нежно гладит по бедрам.

Линда покрывается мурашками и мягко отстраняется от него, чтобы встать.

– Я только на секундочку в туалет.

– Как пожелаешь. Но смотри, вернувшись, ты можешь меня не застать…

Линда удаляется, погружаясь в атмосферу вожделения и сладострастия. Она проходит мимо барной стойки. Красивый темнокожий мужчина у стойки что-то шепчет на ушко кудрявой блондинке в атласном платье цвета слоновой кости с вырезом во всю спину. Линда не уверена, но это лицо ей смутно знакомо, кажется, что она его где-то видела. Не отстраняясь ни на миллиметр от своей дамы, мужчина, глядя в глаза Линде, слегка касается ее руки, когда она проходит мимо. Линда натянуто улыбается и прибавляет шаг.

Эти люди все так прекрасны – единственная определенная мысль, пришедшая ей в голову. Внезапно, как вспышка, лицо мужчины всплывает в памяти. Неужели она видела его на одном из официальных ужинов вместе с Томмазо? Но Линда не может вспомнить, кто это, – по-видимому, алкоголь уже начал действовать и затуманил ей разум.

Туалет показался ей оазисом порядка среди первобытного хаоса. Полки из светлого каррарского мрамора и тончайшая керамика, начищенная до блеска. Только плетеная урна возле умывальника с презервативами нарушает эту гармонию. Голова кружится от ароматов розы и ванили. Линда оглядывает лицо в зеркале, поправляет чуть смазавшуюся подводку, затем одергивает платье. Под прямым светом оно кажется абсолютно прозрачным – видно буквально все. Но сейчас она не испытывает ни малейшего стыда. Если Томмазо хочет ее видеть такой, она не возражает.

Выйдя из туалета, Линда проходит по освещенному розовым светом коридору и попадает в вереницу комнат, следующих одна за другой, отделенных лишь занавесками из нескольких слоев ткани. Ей надо идти дальше, но она не может устоять перед соблазном остановиться. Линде кажется, что она находится на съемках одного из фильмов Тинто Брасса, которые они смотрели, хихикая, вместе с подружками, еще в школе. То, что она видит, невероятно ее возбуждает.

Мужчина, полностью одетый, в расстегнутых брюках, проникает в женщину, которая сосет у другого мужчины. Идеальная сцена в идеальной тишине – она могла бы часами смотреть на это. Несмотря на скептическое отношение к вуайеризму, Линда должна признать, что наблюдение за чужой любовью действительно возбуждает. Она никогда не видела так близко мужчину, несколько мужчин, занимающихся любовью… разумеется, кроме тех, с кем была близка сама, но это, понятно, не одно и то же. Ее тело мгновенно пробирает дрожь и неконтролируемая волна истинного желания. Она чувствует, как набухают соски, жаждущие губ, игры языком, покусывания зубами. Линда наблюдает, как рот женщины обнажает и вновь прячет предмет ее вожделения. Мужчина овладевает ею сзади, с силой сжимая бедра; неожиданно он поворачивается к Линде и кивком приглашает присоединиться.
Она в замешательстве, но внезапно разум ее проясняется, и она уверенно отказывается. Вокруг происходит исключительно невербальное общение. Эта мысль ее возбуждает, но она не хочет вмешиваться в эту оргию. Единственный мужчина, которого она желает, – это Томмазо.

Линда возвращается по освещенной лестнице к зоне бара. Однако, подойдя к столику, она обнаруживает, что Томмазо нет. Ее охватывает паника: Линда чувствует себя покинутой среди незнакомцев, желающих насладиться ее телом. Не успела эта мысль оформиться в сознании Линды, как она заметила, что к ней устремился темнокожий мужчина лет сорока, босой, в драных джинсах с низкой

талией.

– Он ждет тебя в Императорских покоях, – шепчет тот с уверенностью в голосе.

– Мы знакомы?! – Линда в растерянности трясет головой, пытаясь что-то вспомнить, но соображает с трудом…

– Я Жером, – он протягивает ей руку. – Мы встречались однажды, в Silk.

– Ну, конечно! – вспоминает Линда.

Внезапное озарение: это человек из окружения Томмазо, чей-то не то помощник, не то пресс-секретарь. Он креол – наполовину француз, наполовину португалец. Пронзительные глаза и кожа цвета черного дерева. Красавец. А сейчас, с обнаженным торсом, его красота лишает дара речи.

– Ты ведь не хочешь заставлять своего мужчину долго ждать… – он смотрит на нее огненным и вместе с тем ободряющим взглядом.

– Проводить тебя наверх, к нему? – спрашивает Жером.

Линда кивает.

– Да, спасибо, – отвечает она, вдруг понимая, что участвует в какой-то игре, продуманной заранее до мельчайших деталей, в которой она – всего лишь пешка. Проведя Линду по веренице коридоров, освещенных приглушенным светом, Жером оставляет ее перед входом в овальную комнату – в прихожей со стенами, обитыми панелями из дерева, покрытого черным лаком.

– Желаю приятно провести время, – говорит он шепотом и в темноте уходит уверенным шагом.

– Добро пожаловать, моя муза, – раздается голос Томмазо.

Но где он? Она слышит лишь его теплый голос, доносящийся издалека. Линда оглядывается, сердце начинает биться чаще, тело будто пронизано электрическим током.

– Томми. Ты от меня прячешься? – тихо спросила она.

– Расслабься, Линда. Ты не можешь видеть меня – только слышать.

Томмазо восседает на троне, в центре смежной комнаты. Вытянув ноги, он наслаждается зрелищем, проецируемым на настенный экран.

Линда прекрасна даже на видео; как странно, думает он, – даже прекраснее, чем в жизни.

– Хорошо… – неуверенно шепчет она. – Но что мне теперь делать?

Она уже включилась в игру и ждет, что он войдет с минуты на минуту. Линда поняла, что он подглядывает за ней, но не представляет, что происходит в соседней комнате.

– Не задавай вопросов. Это игра, и в ней свои правила: я говорю с тобой, а ты делаешь то, что я тебе говорю. Вот и все. Хорошо?

Линда понимает, что ситуация немного странная. Но именно это ее и заводит. И вообще: с каких это пор Линда Оттавиани останавливалась перед безумством?

– Идет, – произносит она твердо.

Внезапно слова Томмазо заглушает чувственная музыка с арабскими нотками, отчего в воображении Линды возникают образы одалисок, исполняющих танец живота в зале с тысячами занавесок.

– Я хочу, чтобы ты танцевала для меня.

Как по волшебству, из дверей, скрытых буазери, выходят двое молодых мужчин. Они полуобнажены – один белый, другой темнокожий. Гладкие тела, будто вылепленные скульптором, глаза закрыты масками из черного атласа.

– Мои рабы исполнят любое твое желание, – снова раздается голос Томмазо, более глубокий, чем прежде, а потом – снова звучит музыка.

У Линды нет слов. Что это за игра? Как далеко зайдет Томмазо?

Но не успевает она об этом подумать, как мужчины берут ее под руки и вовлекают в чувственный танец. Вдруг – будто электрический разряд: она все делает правильно. Ведь Линда всегда была такой. Не признавать никаких условностей, повиноваться лишь своим внутренним импульсам. Чтобы каждый день был как праздник. Никогда не отступать перед неизвестностью. Преодолевать все глупые страхи, возникающие на пути поиска своего счастья. Расслабиться…

– Позволь им вести тебя в танце, детка! Ты только моя! Ты моя королева, и я хочу видеть, как ты танцуешь. Ты прекрасна, когда танцуешь.

Голос Томмазо подобен электрическому гипнозу. Линда не может не подчиниться ему. Танец для нее всегда был естественным действием. Нужно только слушать свое сердце и двигаться в ритме музыки. Она быстро освобождается от туфель на каблуках и остается босиком. Двое мужчин по очереди кружат ее, прижимаясь своими горячими телами. Черное сливается с белым. Линда танцует, будто переплетаясь с ними.

Ее платье при движении трепещет и приподнимается, под ним уже все влажное и горячее, готовое к неизведанным ласкам. Комната наполнена невероятным эротическим напряжением.

Еще поворот, горящие глаза, встречающиеся друг с другом, прикосновение тел и раздевающие руки.

Еще поворот, двое парней поднимают ее, и вот она уже парит в воздухе на сильных руках. Они переносят Линду на низкую круглую кровать в центре комнаты: черную, застеленную шелковыми простынями, без подушек.

Темнокожий парень срывает с нее платье и начинает делать массаж от ступней.

Расслабься, Линда. Не заставляй повторять. Поддайся желаниям тела. Не думай о том, кому принадлежат ласкающая рука и язык, который лижет твое лоно снаружи, а теперь и внутри. Надо забыть обо всем и погрузиться от дурманящего запаха секса в сладостный сон. Наслаждайся сексуальным

действом другого человека. Хватит смотреть и думать – только чувствовать свое желание, рождающееся между ног, позволить чужому языку ласкать себя.

Тем временем Томмазо расстегивает брюки, которые уже стали тесны. Невероятная волна удовольствия будоражит его кровь. Зрачки расширены, рот приоткрыт, руки дрожат, сердце стучит в бешеном животном ритме. Глаза фиксируют каждый кадр, будто в замедленном действии.

– Ты прекрасна, Линда, и ты моя, – почти хрипом говорит он, обуреваемый желанием от предстающих перед глазами образов. Его страсть нарастает с новой силой и уже не отступает. Они оба участники этого извращенного ритуала.

Томмазо необходимо видеть рядом с ней этих двух незнакомцев, которые должны сорвать покров условностей и вернуть его к жизни. Он опьянен ощущением их обоюдной измены прямо на глазах друг у друга, измены горячей и одновременно чуждой.

Линда стонет. В ее плоть погружаются чужие пальцы и языки. Она стонет все чаще, дыхание прерывисто. Ей только нужно быть самой собой, дать телу слиться с душой и предстать перед ним такой, какая она есть, гордой и бесстрашной. Это ведь всего лишь спектакль, в котором, кроме тела, участвуют чувства, эмоции, мысли, и Линда будто идет над пропастью подобно канатоходцу, раззадоривая Томмазо.

До настоящего оргазма ей остался лишь один шаг. Линда задыхается, тело ее дрожит и вибрирует, но она сдерживается и подавляет желание поддаться удовольствию – она хочет испытать его только с ним, с Томмазо.

– Довольно, рабы, – Томмазо встает с трона. – Теперь – пора.

Мужчины прерываются, мягко берут Линду под руки и помогают подняться с кровати. Затем они ведут ее в глубь комнаты, к стене, на которой отчетливо видно множество круглых отверстий. Линда как в тумане, голова идет кругом, сердце разрывается на части. Она медленно, будто вращая калейдоскоп, пытается сфокусировать зрение, и наконец ей это удается. Она узнает руку Томмазо, которая возникает из отверстия в стене.

– Иди сюда, детка. Позволь мне взять тебя за руку.

Его голос – как зов, которому она не в силах противостоять. Линда прижимается к стене всем телом, спиной, ягодицами, которые упираются в дерево панелей. Она ему позволяет взять себя в плен. Ее ноги раздвигаются, налитые губы горят. Томмазо проникает в нее пальцем, и ее плоть тут же поддается ему, раздвигается, позволяя войти. Линда чувствует его палец, который исследует ее лоно снаружи, потом медленно проникает внутрь, все решительнее и настойчивее.

– Открой глаза, детка, и повернись, – просит Томмазо.

Его реальный голос сливается с тем, который исходит из динамиков. Линда повинуется ему. Она поворачивается к стене, и из другого отверстия, чуть выше, появляется член Томмазо. Линда трогает его: он твердый и такой прямой, будто гордится собой. Томмазо страстно желает ее: он смотрел на сексуальное действо с ее участием и теперь ее хочет в реальности. Линда берет в рот его член, смачивая слюной.

Томмазо по ту сторону стены бормочет что-то неразборчиво: он так возбужден, что не может думать, как доставить удовольствие ей. Линда продолжает двигаться вниз и вверх, скользит губами по его члену, раскаленному от желания, и сосет его все настойчивее. Она чувствует, как он увеличивается у нее во рту: раздувается, вибрирует, пульсирует и наконец взрывается. Раздается срывающийся крик, и молочная жидкость вырывается из него наружу, течет, стекает по ее шее, Линда вся дрожит, а ее соски снова наливаются желанием.

Она обессиленно садится на пол. Внезапно отверстия в стене закрываются, и в ней образуется проход. Томмазо – перед ней.

Он обнажен, его лицо искажено от оргазма, дыхание прерывисто. Томмазо опускается на колени и заключает Линду в объятия, его руки еще дрожат, он прижимается к ее телу.

– Ты была великолепна, – шепчет он. – Настоящее произведение искусства. – Он целует ее в шею. – Шедевр плоти и страсти. – Покрывает мелкими поцелуями

шею, поднимаясь к подбородку. – Это было, как сон, полный красоты и грации.

Их языки сплетаются. Томмазо умеет подбирать правильные слова – то слишком строгие, то более нежные, обволакивая Линду бесконечной лаской. Поэтому она принадлежит только ему.

Линда улыбается, чувствуя легкую усталость от прерванного оргазма. Ее удовольствие было чуть приглушено, не вполне реализовано.

Конечно, ей было хорошо, в этом нет сомнений, но не так, как хотелось бы, – вместе с ним. Она сдержала свой оргазм, потому что хочет лишь его. Предмет ее страсти – только он. Линда смотрит ему в глаза, зная, что никогда прежде не ошибалась в этом вопросе. С ним ей хорошо, ей нравится экспериментировать. Вот и сегодня вечером было так же. Однако она старается прогнать мысль, что, возможно, ей было хорошо и интересно, пока это ново. Линда не может ответить на этот вопрос – да это и не имеет смысла. Потому что только с Томмазо она хочет раствориться в этой пропитанной сексом, густой ночи цвета нефти. Именно с ним она хочет проснуться утром – ведь оба они странники, – почувствовать вкус пробуждения и вместе прикоснуться к зарождению нового дня в Лиссабоне.

Глава 3

Это не тот свет, который ослепляет, когда на небе ни облачка. Но в восемь вечера в городе еще светло, и мягкий, прозрачный воздух растворяется в радужных искрах.

Линда любуется цветами Лиссабона через большое витражное окно на кухне. Всякий раз, видя панораму города, она невольно думает, что это место поистине особенное. Воздух пронизан энергией стихий, исходящей от улиц и величественной реки; эта вибрация пронизывает и успокаивает.

Неприятные мысли, как по волшебству, улетучиваются, и остается только легкая грусть, щемящая сердце, которую здесь называют «saudade».

Этот город – не из тех, которые покоряют с первого взгляда яркими образами, как Рим или Париж; он обволакивает постепенно, но с самого начала не отпускает. За последние месяцы Лиссабон – новая любовь Линды, и она вряд ли его забудет.

Чего, к сожалению, не скажешь в отношении Томмазо: в последнее время он стал забывать о ней – при этом оставаясь вежливым. Не то чтобы Линда чувствовала себя покинутой, как это нередко случается в отношениях пар, и, может быть, обострился лишь один аспект их отношений. Но в постели дела и впрямь идут не очень хорошо, и она не может понять причину.

В последние дни – и это совершенно на нее не похоже – ее обуревают мрачные мысли и сомнения. Может, это всего лишь сложный период, некая усталость. И все же ей кажется, что дело совершенно не в этом.

У них были и другие ночи, подобные той, в «Кармик», в разных приватных клубах – и всегда по инициативе Томмазо. Вначале Линду это возбуждало, ей было интересно чувствовать себя главной. Все было таким новым и притягательным. Но когда новизна прошла, между ними будто что-то надломилось. Во всяком случае, у Линды возникло такое ощущение. Может, дело в том, что знакомые вещи стали повторяться, или в этих местах Томмазо кажется другим, непонятным Линде. И когда они там, это уже нельзя назвать занятием любовью, но в то же время это и не просто секс. Линда еще не поняла, но точно уверена: не так она представляла себе их отношения. Они стали совсем не такими, как она мечтала.

При воспоминании о прошлой ночи в «Change» у нее внутри все сжимается. Это странное выражение, которое она увидела в глазах Томмазо, это голодное желание. Эта дрожь, не имеющая ничего общего со страстью. И только она уловила электрический разряд, пробивший его, когда в полумраке появились мужчина и женщина.

– Они, – прошептал Томмазо и потом больше не проронил ни слова.

Эта пара и Томмазо узнали друг друга, и между ними на расстоянии будто возникло негласное соглашение.

Он чертовски похож на Джеймса Дина, затерявшегося во времени. Она – брюнетка с длинными прямыми волосами, благоухающими восточными маслами, с манерами принцессы и взглядом цыганки, из тех, что даже лохмотья носят так, будто бы это платье от Армани. Полупрозрачные индийские одежды из черного шелка, расшитые бусинами по линии декольте, под которым виднелась маленькая, как у девочки, грудь.

В момент обмена взглядами Линда заметила едва сдерживаемую эрекцию Томмазо, – должно быть, ему было больно оттого, насколько твердым стал его член, головка налилась фиолетовым цветом. Было странно видеть его таким возбужденным, почти утратившим контроль над собой. Он казался Линде одновременно знакомым и далеким. Они стали похожи на рельсы, проложенные в одном направлении, которым не суждено встретиться.

– Я с тобой, – как всегда, ответила Линда.

Ей хотелось сказать «только с тобой», но ее что-то остановило. Внезапно они потеряли друг друга из виду, каждый пошел дорогой своих желаний. Автономно и даже в какой-то степени автоматически. Томмазо жарко погрузился в принцессу Востока; Линда в объятиях «Джеймся Дина» была готова раствориться в оргазме без страсти.

Если вначале их первого лиссабонского лета такие игры Линда оправдывала тем, что они нужны для разжигания страсти, то сейчас она ощущает легкую тошноту. У нее вызывает улыбку мысль о том, что эти абсурдные игры кажутся однообразными и монотонными, так оно и есть: уж во всяком случае, они их не сблизили. Скорее, наоборот.

И хотя Линда и не хочет себе в этом признаваться, она чувствует, что Томмазо еще больше отдалился. Воспоминание о первых месяцах, когда они по-настоящему сблизились и с упоением занимались сексом, поблекли и потеряли ясные очертания, пожелтели, как страницы старой книги, в которой буквы утратили четкость, что делало чтение легким и приятным. Вот почему сегодня вечером она решила взять, наконец, ситуацию под контроль и попробовать все изменить.

– Все, что нам нужно, – это немного времени побыть наедине, – призналась она Исабель.

Та, догадавшись обо всем еще прежде, чем Линда заговорила, посоветовала ей приготовить особый ужин с афродизиаками.

И вот синьорина Оттавиани делает все сама, без помощи домработницы, прикладывая все старания, как и всегда, когда делает что-то важное.

– Сегодня вечером ты мой, Томмазо Белли. Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело, – говорит вслух Линда, отправляя в холодильник шоколадный мусс, последнее свое творение.

Интересно, как он отреагирует? Может, не устоит и захочет сразу же отправиться в спальню, и наконец, спустя столько дней, они займутся любовью! Линду обуревает желание – неуемное желание – позволить ему овладевать ею во всех позах до самого утра в их постели, аромат которой вселяет в нее спокойствие.

Линда надела сексуальное кружевное белье, которое ему очень нравится; и хотя в этом корсете совершенно невозможно дышать, страдания того стоят, учитывая то, что будет потом.

Она зажгла мини-свечки с ароматом ванили, расставив их полукругом вокруг кровати. Приглушенный свет, бархатная атмосфера, только они с Томмазо вдвоем; как долго она ждала этого момента!

Осталось несколько последних штрихов – и все готово. Линда кладет на сервировочную тарелку тунца с черникой, тимьяном и паприкой и ставит на плиту воду для пасты.

Она нашла потрясающий рецепт в одном блоге: «косички» в лимонном соусе с анчоусами, медом, базиликом и боттаргой. Все ингредиенты у нее уже были, нужно только смешать их в правильной пропорции. Даже такая неумеха, как она, сделала бы это блюдо – хотя последнее слово, конечно, за Томмазо.

Она уже собирается идти в спальню, чтобы поправить макияж, как вдруг вспоминает, что забыла положить в холодильник шампанское! Скорее бежит в погребок и достает бутылку «Дом Периньон Уайт Голд Жеробоам» 1995 года.

Однажды Томмазо обмолвился, сколько оно стоит и что он хотел бы открыть его по особенному случаю. Что ж, этот ужин, организованный Линдой, чтобы вновь обрести друг друга, вполне подходит. Когда она уже поднимается с шампанским на внутреннем лифте, прикосновение к горлышку бутылки беспощадно воскрешает в ней тот невероятный вечер в «Кармике».

Темная комната. Они остались вдвоем. Никого больше. Томмазо поднимает с пола пустую бутылку из-под шампанского и проводит ею по телу Линды. Она раздвигает ноги, он начинает гладить ее, затем медленно погружает бутылку внутрь, все глубже. Линда вся раскрывается, становится влажной, раздвигается, «да, Линда, вот так». Томмазо возбуждается, а ей хочется одновременно плакать и смеяться, она ловит его безумный взгляд, этот зловещий свет в его глазах, который она научилась чувствовать телом. «Теперь повернись», она повинуется, кончик бутылки меж ее ягодиц, она напрягается, «ну же, детка, последний глоток», она ничего не понимает, у нее кружится голова, все вокруг вращается, стены, шторы, «расслабься, сделай это ради меня», она смеется до слез, Томмазо смеется вместе с ней, «еще, детка, еще», и он кончает ей на спину.

Эта картина никогда не сотрется в ее памяти, потому что после того дня кажется, будто все покатилось под откос.

Линда кладет в холодильник бутылку «Дом Периньон». Потом начинает возиться с блендером, чтобы приготовить крем из лесных ягод: последний штрих для украшения десерта. Нажимает кнопку на максимальной скорости, и бесчисленные кусочки клубники, ежевики и малины разлетаются во все стороны по белой столешнице кухни; несколько штук оказываются даже в ее волосах.

– Черт, крышка! – кричит Линда, не выключая блендер и беспомощно уставившись на мебель, забрызганную красной пенистой жидкостью. – О боже, какой кошмар! Единственный на свете дурацкий блендер, который включается без крышки!

Она закрывает лицо руками и через несколько секунд вспоминает о том, что надо нажать кнопку выключения. Вдруг ее пробирает неконтролируемый смех. Линда начинает безудержно смеяться своим серебристым смехом, как девочка, которая вытворила очередную шалость. Аккуратно вытирает столешницу губкой, не переставая хихикать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/irene-kao/za-vsu-lubov/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Черт! Вот дерьмо! (Пер. с португальского)

Купить: https://tellnovel.com/irene-kao/za-vsyu-lyubov-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити